

тируется главным образом лексемой *серебряный* (silbern). В описании колористических признаков гидросферы Гофманнсталь и Макс Фриш используют сравнения (... als wären es **Smaragden und Topas / In der Ferne das Meer: Wie Zinkblech! / braun wie amerikanischer Milchkaffee**). И. В. фон Гете, Гуго фон Гофманнсталь, Эрих Мария Ремарк прибегают к колористическим метафорам (golden, goldfarbig, silbern). Сложные цветообозначения прослеживаются в произведениях всех анализируемых авторов.

Литература

1. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007.
2. Теория цвета Гумилева. Языкознание // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.Ronl.ru/>.
3. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Источники фактического материала

1. Гете, И. В. Фауст Трагедия. Ч. 1. / И. В. Гете. / Пер. с нем. О. Тарасовой. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
2. Фриш, М. Хомо Фабер: Книга для чтения на немецком языке / М. Фриш СПб.: КАРО, 2007.
3. Remarque, E. M. Drei Kameraden / E. M. Remarque. М.: Jupiter-Inter, 2005.
4. Hofmannsthal, H. v. Die Frau ohne Schatten / H. v. Hofmannsthal. Berlin: Verlag der Nation, 1983.

И. Э. Федюнина
(Белгород, Россия)

БЕЛАЯ ЛОЖЬ И ПРАВДА В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА, ОБЪЕКТИВИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ

Сегодня в науке протекает глобальный процесс, характеризующийся как «общая антропоцентрическая переориентация парадигмы гуманитарного знания» [Воркачев 2005: 76]. Это означает фокусировку внимания на человеке как носителе языка и культуры и изучение языка как орудия познания и общения. В языке объективируется система концептов (или концептуальная картина мира) его носителей, включающая знания, опыт, ассоциации, ценности, представления и т. д., имеющиеся у человека относительно тех явлений окружающего мира, с которыми он сталкивается в процессе своей жизнедеятельности. Результатом этой объективации является языковая картина мира (ЯКМ). Однако язык не только объективирует, но и конструирует концепт, то есть служит средством концептуализации и категоризации действительности – непрерывных процессов, включающих постоянное «восприятие вновь возникающих ситуаций материального, социального и лингвистического характера» [Langacker 2001: 2] и их классификацию. Эти процессы у представителей различных культур имеют как универсальные, так и национально-специфические черты, отражающиеся в ЯКМ и максимально выявляющиеся при сопоставлении.

В данной статье рассматривается место белой лжи (как составляющей концепта ‘обман’) и правды в русской, английской и немецкой ЯКМ, репрезентированных с помощью фразеологических единиц (ФЕ). Сопоставительные исследования языковых репрезента-

ций концепта 'обман' видятся особенно интересными и актуальными, так как данный концепт возникает и реализуется только в человеческой коммуникации, аккумулируя множество противоречивых оценок и эмоций. Кроме того, анализ данных социологических и психологических межкультурных исследований в соответствующей области показывает, что в восприятии, оценке и даже самом определении обмана (равно, как и правды) наряду со сходствами существуют и различия, которые создают трудности в межкультурной коммуникации. Выявление этих различий и их причин представляется важным для осуществления полноценного диалога культур.

С учетом специфики концепта 'обман' ФЕ представляются наиболее эффективным языковым средством его экспликации. Они характеризуются яркой образностью, большим коннотативным потенциалом, прагматической ориентацией и национально-культурной спецификой. Кроме того, большинству ФЕ с семантикой обмана присуща тенденция к ситуативности оценки и бифуркации значения при взаимодействии с контекстом, что сообщает им способность служить средством корреляции концепта 'обман' с другими концептами. Можно предположить, что не все эти концепты негативны, чем и обусловлено существование такого феномена, как «белая ложь», находящего отражение в языке. Именно оценочный компонент значения ФЕ представляет здесь особую важность, поскольку оценка носителем языка того или иного явления во многом зависит «от ценностной картины мира, нормы которой... объективированы социальной практикой лингвокультурной общности» [Телия 1996: 186].

Нами были выделены несколько семантических групп ФЕ, объективирующих различные сферы концептуального поля обмана: «Вымысел», «Лесть», «Дезинформация» и др. Анализ фактического материала показал наличие в каждой из них (за исключением «Клеветы») ситуаций, в которых обман воспринимается терпимо (иногда даже позитивно) и оправдывается. Такой обман мы условно назовем белой ложью.

Вначале кратко коснемся контекстуального функционирования ФЕ *белая / невинная ложь* (*white lie, weisse Lüge*) как таковых. Словарные дефиниции и контексты исследуемых языков объективируют два ведущих признака белой лжи: 1) ее последствия не наносят вреда окружающим (искажаемая или скрываемая информация не является жизненно важной); 2) мотив позитивен (нежелание ранить чужие чувства или стремление сохранить психологический комфорт):

◆ I don't see the harm in telling the occasional *white lie* if it spares someone's feelings. [CIDI 1998: 423].

◆ «I did hold a responsible job in my last post», she said. It wasn't strictly true but her self-esteem needed that little *white lie* [LID 1998: 209].

◆ Раечка...разрешала Женечке многое из того, что запрещал суровый отец... но тайком, так, чтобы он не узнал. «Зачем папу расстраивать? Пусть он думает, что мы его слушаемся. Папа много работает, он устает, так пусть хоть дома расслабляется и не нервничает». ...с благословения родственницы, всегда готовой на *невинную ложь*, можно было ходить днем с подружками в кино, приводить их к себе в гости и пить чай с печеньем [Маринина 2001: 392].

Однако с позиций когнитивистики белая ложь имеет более широкое толкование, включая практически любой вид обмана, оправданный, с точки зрения одного или обоих участников ситуации, обстоятельствами или социальными нормами и установками, иногда независимо от степени серьезности и возможных последствий. В таком контексте репрезентантами «белой лжи» часто служат ФЕ с флуктуирующей оценкой.

Проиллюстрируем механизм образования этого фрагмента концепта 'обман' на примере ФЕ *сплести легенду* (РЯ), относящейся к сфере «Дезинформация», *to put up a front* (АЯ), относящейся к сфере «Притворство, Лицемерие» и *j-m den Zahn ziehen* (НЯ), относящейся к сфере «Обман ожиданий»:

◆ Лиля молча смотрела... и не задала ни одного вопроса. От этого мне стало неловко. Лучше бы она спросила, в чем дело, я бы ей *сплел какую-нибудь легенду*. А так она следила за мной своими темно-серыми глазами, и мне казалось, что она все понимает. Да, я боялся... [Маринина 1995: 53]. В данном случае обман воспринимается как желанная возможность разрядить напряжение, избавиться от психологического дискомфорта, сгладить ситуацию, мучительную для обоих участников. В таком контексте происходит корреляция с концептами 'такт', 'милосердие'; негативная оценка практически сменяется положительной.

◆ He hasn't shown any signs of grief over his father's death, but I'm sure he's just *putting up a front*. [CIDI 1998: 149]. В этом контексте причиной притворства (*put up a front* – *делать вид, прикидываться*) является нежелание показывать свои истинные чувства и стремление соблюсти социальные условности (в британской культуре не поощряется демонстрация эмоций, особенно отрицательных). Здесь, как видится, осуществляется корреляция с концептами 'такт', 'вежливость'. Такое притворство в восприятии носителей АЯ переходит в категорию «белой лжи» и не встречает негативного отношения.

◆ Until that moment, she had believed that her *game of cat and mouse* with Fache would be somehow justifiable... *I was attempting to protect an innocent man..* [Brown 2004: 389]. В этой ситуации очевидна корреляция с концептом 'справедливость', поскольку обман имел целью защитить невиновного человека от незаслуженного наказания.

◆ Er hoffte, von mir mal etwas zu erleben, aber *den Zahn habe ich ihm gezogen*. [НРФС 1975: 635]. Образ, лежащий в основе данной ФЕ (букв. *выдернуть зуб кому-л.*), вызывает негативное восприятие. Однако в приведенном контексте идиома несет положительную оценку, так как говорящий плохо относится к объекту и считает, что его намерения были бесчестны и ожидания обмануты заслуженно (связь с концептом 'справедливость').

В целом наибольшее количество ситуаций оправданного обмана обнаружено в РЯ, наименьшее – в НЯ. При этом в РЯ более рекуррентна корреляция с концептами типа 'такт', 'красота', 'искусство', в АЯ – 'такт', 'вежливость', 'выгода', в НЯ – 'справедливость'.

Восприятие правды носителями РЯ, АЯ и НЯ оказалось столь же неоднозначным, как и восприятие обмана, традиционно считающегося ее антиподом. Здесь мы кратко рассмотрим отношение к честности и прямоте высказывания. Большой интерес представляют ФЕ НЯ *deutsch sprechen* и *Fraktur reden*, не имеющие эквивалентов в других языках, отмеченные яркой национально-культурной спецификой и выражающие абсолютную прямоту и недвусмысленность, граничащие иногда с грубостью. Поясним происхождение идиомы *Fraktur reden*. *Frakturbuchstabe* – немецкий готический шрифт, отличавшийся от латыни ломаными линиями. В период господства латинского языка к этому шрифту прибегали, когда хотели написать что-либо предельно ясное, грубое, недвусмысленное:

◆ ...um mit dir zu *reden!* Und zwar *Fraktur*. Um dir den Kopf zu waschen!. [НРФС 1975: 188].

◆ So, jetzt will ich mal *deutsch mit dir reden!* Dein Verhalten war einfach gemein, und wir sind ab jetzt geschiedene Leute [НРФС 1975: 123].

Итак, в обыденном сознании носителей НЯ «высказаться прямо» значит «высказаться по-немецки», т. е. прямота – это национальное достояние. ФЕ и контексты НЯ репрезентируют уважение к прямоте высказывания. Заметим, что сегодня носителям НЯ отнюдь не чужды такт и политкорректность, но прямота в общении по-прежнему высоко стоит на их шкале ценностей.

Несколько иная картина наблюдается в РЯ и АЯ. Рассмотрим две межъязыковые пары: 1) *to speak one's mind* и *говорить без обиняков / начистоту*; 2) *to hit from the shoulder* и *резать правду-матку*. Первые две ФЕ, различаясь по структурно-семантической моде-

ли, являются функционально-смысловыми эквивалентами и выражают прямое, искреннее высказывание своего мнения, вызывающее уважение. Как правило, они несут позитивную оценку:

◆ Может, мы перестанем друг перед другом шибко умных изображать, *выскажемся* проще и *начистоту*? [Леонов 1995: 331] ◆ She is not afraid of *speaking her mind*, even if it upsets people [CIDI 1998: 256].

Вторая пара ФЕ имеет иной оттенок значения – «говорить все, как есть, не выбирая выражений». Очевидно наличие сем агрессии (*hit, резать*), имплицитно вызывающих причинение дискомфорта и даже боли собеседнику и «отсылающих» к соответствующим концептам:

◆ The man *hits straight from the shoulder*. I wouldn't like to deal with him [CIDI 1998: 144]. Эти ФЕ имеют отрицательную коннотацию. В целом ФЕ и контексты РЯ и АЯ часто репрезентируют негативные последствия «бестактной» правды – дискомфорт, страдания, разрушение деловых и межличностных отношений. Особенно это характерно для РЯ: ◆ Володя клялся, что это было чепухой, но сознался, что было. Вот этого делать не следовало. Она с легкостью поверила бы его вранью, но он вылез со своей *кристальной честностью* и раскаянием, и она еще должна была это оценить [Токарева 1995: 295-296].

◆ Я тебя люблю, но сволочь ты... Тебе необходимо *все точки над i расставить*. Ты не можешь как люди. Где-то промолчать, не понять, не договорить... [Леонов 1998: 241].

С целью верификации результатов исследования нами была разработана анкета и проведен опрос, в котором приняли участие 90 респондентов (30 носителей РЯ, 30 – АЯ и 30 – НЯ). В частности, им предлагалось ответить на вопросы «В каких ситуациях Вы могли бы солгать, не испытывая (или почти не испытывая) угрызений совести?», «Какие чувства вызывает у Вас человек, который всегда говорит правду и высказывается напрямую?» и привести ассоциации со словом «правда». Общими мотивами оправдания обмана оказались выгода, сохранение отношений, самозащита и «обман в ответ на обман». Однако у носителей РЯ доминирует нежелание портить межличностные отношения, у носителей АЯ – ложь в личных интересах и т. н. «социальная ложь», у носителей НЯ – нежелание давать информацию о себе и «обман в ответ на обман». «Отношения» с правдой наиболее однозначны у носителей НЯ – большинство ассоциирует ее со справедливостью, открытостью и т. п., а прямота и правдивость вызывают, в основном, уважение. Восприятие правды носителями РЯ и АЯ более противоречиво. Наряду с положительными ассоциациями присутствуют такие, как *risky, conflict, не навредить* и т. п. К прямоте высказывания почти половина респондентов, наряду с уважением, испытывает недоверие и дискомфорт, иногда даже неприязнь. Анализ результатов опроса в целом подтвердил оценки, выявленные при рассмотрении соответствующих фрагментов ЯКМ носителей РЯ, АЯ и НЯ.

Таким образом, ФЕ исследованных нами языков проявили себя как эффективное средство выявления сходств и различий в восприятии феноменов белой лжи и правды носителями русской, английской и немецкой культур. На наш взгляд, сопоставительные когнитивные исследования в этой области могут дать ценный материал для межкультурной коммуникации, помочь сгладить конфликты в межкультурном общении и способствовать более глубокому пониманию обмана как общечеловеческого психического феномена.

Литература

1. Воркачев, С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С. Г. Воркачев // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76-83.
2. Леонов, Н. И. Мы с тобой одной крови: Повесть, роман / Н. И. Леонов. М.: ЭКСМО, 1995.
3. Леонов, Н. И. Смерть в прямом эфире: Роман / Н. И. Леонов. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998.

4. Маринина, А. Б. Черный список: Роман, повесть / А. Б. Маринина. М.: ЭКСМО, 1995.
5. Маринина, А. Б. Когда боги смеются: Роман / А. Б. Маринина. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
7. Токарева, В. Коррида / В. Токарева. М.: Издательство «ВАГРИУС», 1994.
8. Brown, D. The Da Vinci Code / D. Brown. London: Corgy Books, 2004.
9. Langacker, R. M. Concept, Image and Symbol / R. M. Langacker. N.-Y.: Mouton de Gruyter, 2001.
10. НРФС – Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин / Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Русский язык», 1975.
11. CIDI – Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 1998.
12. LID – Longman Idioms Dictionary. London: Pearson Education Limited, 1998.

Э. Р. Мамлеева
(Воронеж, Россия)

КОЛДУНЫ И КОЛДОВСТВО В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Мир сверхъестественного в семантическом пространстве языка – одна из малоизученных областей. Всякого рода колдуны, знахари, ведьмы, вещуны и ведуньи существовали на Руси с древних времен, но за советский период эти слова, как и их значения, перешли в разряд устаревших или устаревающих, оставшись только на страницах сказок и фольклорных преданий. Картина кардинально поменялась в последние десять-пятнадцать лет: все, что было запрещено, стало вдруг разрешено. На фоне этих изменений старые слова «ожили» и поменяли свою «окраску». В представленной работе мы остановимся на деривации слова *колдун* и попытаемся проанализировать произошедшие изменения в значениях словарного гнезда.

Колдун. Тот, кто владеет приемами колдовства, занимается колдовством [ТССРЯ 2001: 350].

Анализ контекстов выявил новые значения: специалист в области колдовства: *Недавно на ЛЕНЭКСПО в Гавани прошла конференция по парапсихологии «Через прошлое в будущее». Здесь выступали врачи, целители, уфологи... Среди них выделялся человек в восточном халате – колдун из Чимкента Борис Сон. Присутствующие светила относились к нему с неизменным уважением, как к профессионалу высокого класса [П-Э, 1990, № 7]; Валерий Визард – один из сильнейших колдунов России – уже давно не нуждается в представлении. Он приобрел широкую известность как специалист в области практической магии далеко за пределами нашего города... Его магическими услугами пользуются многие известные спортсмены, артисты, бизнесмены, достигая исполнения своих желаний [ПП, 23.05.00]; специальность, которой можно обучиться: «Колдун», «ведьма» – такая «специальность» будет значиться в дипломе выпускника первой в Европе школы колдовства, открывшейся недавно в австрийском городе Клагенфурте [З-С, № 8, 2003];*

Колдунья. Женск. к Колдун [ТССРЯ 2001: 350].

Анализ контекстов выявил значение *женщина, обладающая определенными, недоступными обычным людям знаниями.*

Контекстное окружение позволяет сказать, что у колдуний для достижения результатов (принести вред или пользу другим людям) есть обряды, связанные с приготовлением зелья; набор предметов (простая домашняя утварь): *Колдунья взяла в руки что-то*